

Консультация для педагогов
«Взаимодействие с родителями на тему
«Детский фольклор в жизни детей дошкольного возраста»».

Выполнила: воспитатель
Буран Ирина Радионовна
1 квалификационная категория

г. Ельня
2020г.

«Начало искусства слова — в фольклоре» — эта, ставшая крылатой, фраза М. Горького в полной мере приложима к детской поэзии. Задолго до появления первых книжных стихов широкое распространение в русской народной поэзии получили детские песни, «стихи», присловья, потешки, пестушки. «Многие произведения детского фольклора перешли к детям так давно, что память об этом утратилась,— писала О. И. Капица,— относительно других этот переход совершился во времена недавние...». Создававшийся веками в недрах фольклорной устной культуры, менявшийся, обогащавшийся, утрачивавший что-то на разных этапах истории, детский поэтический репертуар лишь частично дошел до нашего времени. Он продолжает жить в своих естественных формах в памяти и исполнении все новых поколений детей, мам, бабушек. Став, благодаря записям и публикациям, достоянием книги, в читательском восприятии он уподобился литературе. Устная детская поэзия обладает своими неповторимыми специфическими качествами, которые характеризуют её как органическую часть самобытной фольклорной культуры в целом. Многие исследователи справедливо определяли своеобразие детского фольклора прежде всего его педагогической направленностью. «Опираясь на большой опыт народной педагогики,— пишет Э. С. Литвин,— исполнители детского фольклора неизменно учитывали особенности восприятия детей, проявляли глубокое понимание интересов ребенка, умели считаться с его возрастом. В область детского фольклора входили и переходили только такие произведения, тематика которых соприкасалась с задачами воспитания, с интересами детской аудитории, а форма была доступна ребенку определенного возраста... Изучая народное творчество для детей, можно убедиться, с какой тонкостью здесь учтены и закреплены в образе и слове общенародные наблюдения над психологией детства».

Русский классический детский фольклор творился и в наиболее полной и естественной форме жил в деревне. Органичны и многосторонни его связи с основами и специфическими особенностями традиционного крестьянского труда и быта, семейных отношений, представлений о мире, с богатейшими традициями живой крестьянской речи.

Наиболее общее (и, пожалуй, универсальное) свойство традиционного детского фольклора — это его неперемнная включенность в многообразную повседневную жизнь детей. Начиная с колыбельных песен ребёнок по-своему

активно воспринимает живое песенное слово, приобщаясь к мелодии, к ритму музыки. В таких своеобразных «младенческих» жанрах, как пестушки и потешки, впервые для ребенка слово выступает в нерасторжимом единстве с движениями, хотя и элементарными, но организованными, запрограммированными. Самый характер связи слов и движений здесь различен. Пестованья («тютюшканья») — поглаживание по телу, подбрасывание и подхватывание, другие движения, ритмически упорядоченные, составляющие некоторый физический комплекс, — сопровождаются музыкой, движением стиха, почти обязательной игрой слов. В потешках, напротив, определяющим началом оказываются слова, не только организованные ритмически и рифмой, но и сложившиеся в сюжетное повествование или в диалог, движения же пальцев и рук словно бы оживляют, воплощают пропеваемый «сюжет». «Ладушки», «Сорока-ворона» — это образцы самого первого, детского «эпоса», в которых есть и драматическая событийность, и нравственные уроки. С того момента, когда ребенок расстается с колыбелью и вовлекается в общую жизнь, он оказывается погруженным почти целиком в коллективный быт, в коллективное общение детей. Наиболее яркой формой такого общения является игра. Игровой песенный (или стихотворный) фольклор естественно занимает значительное место в детском репертуаре. Самая структура многих детских песенок и стихов обусловлена порядком, «техникой» игры и ее элементов: таковы тексты, сопровождающие игры в «палочку-выручалочку», в «горелки», «кулючки», «волка и гусей», «коршуна»; таковы популярные в прошлом детские хороводные игры с персонажами — животными, птицами, пчелами и т. д.

Будучи включенным в разные игры, составляя обязательный элемент вступления почти в каждой игре (считалки), детский фольклор и сам в отдельных своих жанровых разновидностях выступает как более или менее законченная игра: таковы дразнилки — своеобразный способ борьбы, сведения счетов, установления внутриколлективных отношений при помощи традиционных стихов, формул. К ним примыкают стишки-остроты и присловия на разные типовые случаи. В этом же ряду можно рассматривать «сидячие» игры, смысл которых почти целиком заключен в их словесном элементе и сводится к тому, что играющие не должны ошибиться в ответах, в выборе слов и т. п.

По существу, исполнение детьми ряда популярных в их среде песен, которые не привязаны к каким-либо играм или действиям, также представляет собой вид самостоятельной игры. Сюда относятся песнисказки, песни

кумулятивные, повествовательные, юмористические, «небыличные». Доля участия детей в празднествах, обрядах различалась в зависимости от характера обрядов. В некоторых календарных обрядах она была велика. Группы детей были главными исполнителями зимних колядок. Дети активно участвовали в праздниках встречи весны и других. В позднем крестьянском быту отдельные обряды перешли почти целиком в детский обиход, а вместе с ними в детском фольклоре закрепились соответствующие тексты. То же произошло с некоторыми песнями магического характера — обращениями к солнцу, дождю, радуге:

Уж ты радуга-дуга,
Поведи меня в луга...

Таким образом, основной массив детского традиционного фольклора органически соединяет в себе поэзию и игру. Такие внехудожественные связи, вообще присущие традиционному фольклору, нисколько не умаляют поэтических достоинств, но придают ему как искусству особую окраску. Все дело в том, что художественное богатство текста, многообразие заключённых в нем значений и оттенков, эффект его эстетического воздействия в более или менее полной степени обнаруживаются в процессе живого исполнения в естественной обстановке, при наличии всех компонентов, в том числе и «внешних», включая живое пространство исполнения, «воздух» среды, всю совокупность поведения участников, их внешний вид, «реквизит», реакцию слушателей, все множество возникающих импровизационных подробностей, не говоря уже об особенностях самого исполнения — пропевания или выкрикивания, выговаривания текстов. Просто читая тексты, мы многое теряем, и лишь некоторое знание внепоэтического окружения текста позволяет восполнить этот пробел. Разнообразие жанров детского фольклора соотносится с разнообразием бытового назначения, а вместе с тем каждому возрасту соответствуют свои виды фольклора, с возрастом происходит смена репертуара, проявляется тяготение к другим жанрам, которые, в свою очередь, различаются по содержанию, по образности. Сказанное в полной мере относится и к поэтическим фольклорным произведениям для детей, которые сверх того обладают и рядом специфических особенностей. Мы вправе говорить о художественном мире детского фольклора в его отношении к действительности как о некоем едином целом. Мир этот представляет собой поэтическое единство, образованное причудливым переплетением реальности и вымысла, обыденного и необычайного. Окружающая крестьянских детей реальность в различных её проявлениях неизменно напоминает о себе в песнях, стихах, считалках. Изображаемое

всегда заключено в хорошо знакомые ребёнку пространственные и предметные рамки (луг, речка, мельница, улица, баня, изба, сад, печь и т. д.). Столь же знаком и привычен набор реалий быта (колыбель, лапти, горшок с кашей, калачи и пряники). Детской поэзии близки трудовые заботы земледельца, с надеждой ожидающего весны; она знает мотивы нужды, грозящего голода. Вполне реален подбор персонажей из мира природы — никакой экзотики: кот, голубок, коза, петух... Все дело, однако, в том, что реальность эта, как бы густо ни насыщала она песни и стихи, почти никогда не остается в своем обыденном состоянии, но настойчиво и успешно преобразуется, в результате оказывается включенной в специфический фольклорно-образный мир. Преобразование идёт по нескольким линиям. Одна из них — поэтическая идеализация привычных предметов, придание им необычного вида, небывалой ценности и красоты, отмеченных богатством и яркостью: колыбель — золотая, постель — пуховая, одеяло — соболиное. При этом и сам «герой» меняет свой облик: крестьянский младенец превращается в богатого, ему уготовано счастливое будущее, его окружают «мамушки» и «нянюшки». Поэтизация обыденного может происходить и без непременно перевода в иной социальный статус: поэтически возвышается то, что окружает крестьянского ребенка, происходит открытие для него красоты обыденного мира — горшка с кашей, лаптей, ложки, гнущейся от густого киселя. Другой путь преобразования — сказочные превращения и уподобления. Упоминаемые в песнях самые обыкновенные звери, птицы, насекомые неизменно обретают сказочные формы: они уподобляются людям или оказываются даже сильнее людей, творят человеческие дела либо совершают нечто необыкновенное. Мир природы одновременно приближен к жизни и сознанию ребенка и в то же время обладает фантастическими возможностями — но вполне соразмерными детскому восприятию. И сами дети оказываются способными на то, чтобы совершить необыкновенное: остановить дождь, вызвать солнце, отправить на отдых зиму. В песнях и стихах необычайное происходит с самыми простыми предметами и персонажами. «Домашний» характер необычайного подчеркивает их достоверность, одновременно с этим обычное поднимается на уровень высокой поэзии:

Жаворонки, прилетите,
Красну весну принесите...

В детском фольклоре есть жанры, где «естественность» необычайного нарушается, где оно выступает в нарочито заостренной форме, «вывернутым» и потому заведомо неправдоподобным. Так называемые

«небыличные» песни — о похождениях комара или блохи, о звериных свадьбах, о животных-щеголях и т. д.— представляют собою образчики фольклорного юмора с элементами сатиры, обращенной к миру людей. Характерная особенность детского фольклора — острое ощущение художественной природы языка, увлечение словесной игрой, стремление к выявлению забавного, яркого в звучании слова. Отсюда — обилие рифмовки, острых созвучий, повторов, «выдуманных» слов:

Трынцы, Волинцы,
Пятый, Мятый,
Шохман, Тыкинъ...

Словесные игры в полной мере торжествуют в считалках, сама функция которых не требовала от текстов логической завершенности и связного смысла, но встречаются и в текстах самых разных жанров:

Выбегла дубина
С мальчиком в руках,
А за ним тулупчик
С бабой на плечах...

Таким образом, словесная игра, «заумь» возникли и с блеском проявили себя в детском фольклоре задолго до появления в литературе. Впоследствии, в руках больших мастеров, словесная игра стала одним из самых выразительных приемов.

Но, конечно, не только этот прием — свидетельство близости «авторской» поэзии для детей и поэзии народной. Они кровно связаны по самым главным линиям, в первую очередь тем, что детская литература также сочетает искусство с педагогикой. Детская литература вобрала в себя, сохранила и продолжает развивать самые ценные открытия фольклора. По-прежнему один из самых излюбленных жанров детского стиха — колыбельная; по-прежнему поэты сочиняют для детей загадки, потешки, считалки, заклички; по-прежнему видное место занимает игровая поэзия.

Фольклор сопровождает человека от рождения до могилы. Знакомство с ним начинается с самых первых дней жизни.

А бабай, бабай, бабай,
Ты, собаченька, не лай,
И, гудочек, не гуди,
Нашего Ваню не буди.

Колыбельные песни

Колыбельная песня! Казалось бы, какое отношение имеет она к детскому фольклору, не говоря уже о его особенностях! Но это, на первый взгляд здоровое предположение, при более глубоком рассмотрении, ошибочно. Да, колыбельные складывали не грудные младенцы, но оценивали-то именно младенцы. Взрослые замечали, под какие слова и напевы дети лучше засыпают, повторяли их, запоминали, передавали следующим поколениям.

«Люли-люли-люленьки, прилетели гуленьки...» Слова ласковые, певучие, нет резких взрывных звуков. В таких песенках чаще всего действуют воркующие гули (голуби – отсюда, очевидно, и происходит ворожение «приголубить», то есть «приласкать»), домовитые ласточки-касаточки, уютно мурлыкающий кот, говорится о тишине, покое.

В старинных колыбельных песнях упоминаются некие живые существа, что-то вроде домашних божков: Сон, Дрёма, Угомон, сердитая Бука. У каждого из них, как говорят сами имена, Были свои обязанности. Сон говорит: «Усыплю, усыплю!». Дрёма говорит: «Удремлю, удремлю!». Позднее многое из этого, конечно, забылось.

Пестушки

Подрастает Ваня, а его уже ждут новые песенки и приговорки– пестушки (от слова пестовать – воспитывать). Становится на ножки, его поддерживают и приговаривают:

Дыбок, дыбок!
Скоро Ванешке годок!

Приподнимают мальчика, чтобы он перебирал ножками, приплясывал, и поют:

Три-та-тушки, три-та-та,
Вышла кошка за кота,
За кота котовича,
За Иван Петровича.

Пошлёпывают по щекам: «Мишка, Мишка, где штанишки? ».

Выкупает бабушка меня в деревянном корыте и, когда станет окачивать в последний раз, проведет рукой по телу и обязательно скажет: «С гуся вода, с младенца Алёшеньки вся худоба!».

Не знали в прошлом наши бабушки, что такое физкультура, закалка, массаж,

но всё, что нужно, делали - под разные песенки, шуточки-прибауточки.
«Потягушки, потягушечки, потягусеньки» - это тоже массаж. Разворачивает
мама спеленатого ребёнка, поглаживает его по животу и нараспев говорит:

Потягушки, порастунюшки,
Поперёк толстунюшки,
А в ножки ходунюшки,
А в ручки хватунюшки,
А в роток говорок,
А в головку разумок.

Нечего и пробовать произнести эти слова сердитым голосом - не получится. В
них слышатся любовь, доброта. Они складные, красивые. И ещё: учат
малыша, он слушает и смотрит, где у него ножка, где – роток.

Потешки

Потом начинаются самые первые игры, потешки:

«Идёт коза рогатая за малыми ребятами», два пальца руки, указательный и
средний изображают козу, младенец видит это и смеётся!

«Сорока-ворона кашку варила деток кормила, этому дала, этому дала,
этому дала, этому дала, а вот этому не дала» - в это время загибаются
пальчики руки младенца, он внимательно смотрит, обычно насупившись,
зато звонко смеется, когда загибают последний, обычно большой палец его
сладкой ручки!

«Ладушки, ладушки, где были? У бабушки! Что ели? Кашку! Что пили?
Бражку!» - Это уже начинаются попытки игр в ладоши младенца со
взрослым. Обычно это не получается, но у ребенка вырабатывается
координация движений.

Отец или кто-нибудь из мужчин посадит Ваню на ногу и качает: «Поехали,
поехали, с орехами, с орехами!». Всё быстрее и быстрее:

Поскакали, поскакали,
С калачами, с калачами!
Вприпрыжку, вприскочку,
По кочкам, по кочкам –
Бух в ямку!

и здесь тоже вместе с удовольствием ребёнок получает и пользу: тренирует, говорят врачи, свою нервную систему, когда готовится к последнему «полёту» и встряске - бух в ямку!

Таких любимых малышами песенок-потешек много и у русских, и у англичан, и у других народов.

Скороговорки

Ваня уже умеет говорить. Но ещё не все звуки у него получаются. Тут на помощь мне приходят скороговорки, или чистоговорки. «Ехал грека через реку, видит в реке грека рак, сунул грека руку в реку, рак за руку греку цап!», «На горе Арарат растёт крупный красный виноград...», «Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет», «Во дворе трава, на траве дрова...». Повторил их раз 100 или 200 - и научился правильно произносить «Р». Другие скороговорки развивают органы речи – их даже взрослым артистам рекомендуют. Нелегко сказать быстро: «На улице дёготник, нам не до дёготника, не до дёготниковых детей!», «Сшит колпак не поколпаковски надо его перколпоковать, перевыколповать».

А дальше, как всегда у ребят, у нас была игра, только игра не на скорость бега, не на физическую ловкость, а игра звуками: «Боже, Боже, дай мне коже, я сошью себе сапоже. Без сапоже мне негоже - може ноже отмороже». И ещё всякие забавные: «Четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка чертили чёрными чернилами чертёж чрезвычайно чисто», «Пётр Петрович по прозвищу Петрович...». Мой же друг Кирилл Маркелов постоянно любил повторять это: «Кирилл Кириллович Кириллов купил картошки килограмм. Картошка Кировского края. Колхоза Красный Коммунар».

Наши предки до принятия христианства были язычниками. У них, как у древних греков и римлян, существовало многобожие. Каждое божество управляло какой-то одной стихией, силой природы. Для хорошего урожая в разное время были нужны то дождь, то солнце. Вот славяне-земледельцы и просили богов - молили, заклинали - помочь. Чтобы задобрить, их угощали: выносили на перекрёстки дорог горшки с гущей - кашей из ячменя и гороха. Поэтому и в наших детских заклинаниях (так называются песенки, в которых ребята обращаются к силам природы с какой-нибудь просьбой), сохранивших память о молитвенных обращениях, заклинаниях наших праотцов, почти всегда упоминается эта самая гуща и предлагается какое-нибудь лакомство: Дождик, дождик, лейся пуще, наварю я гущи...», «Дождик, дождик, поскорей, я прибавлю сухарей!».

Есть предположение, что и далёкая основа колыбельных песен - древние заговоры, заклинания и молитвы, в которых родные обращались к богам с

просьбой сберечь ребёнка, оградить его от разных невзгод. Приговорка «...с младенца Алёшеньки – вся худоба!» скорее всего тоже память о подобном старинном заговоре.

Заклички

Серьёзная, хозяйственная основа заговоров забылась, осталась забава. И уже появились заклички, где дождику предлагаются совсем неподходящие гостинцы: «дождик, дождик, пуще, я насею гущи, целую кадушку, сверху лягушку!».

Теперь заклички сопровождают уличные игры и используются в затруднительных случаях. Например, попала вода в ухо при купании. Надо попрыгать на одной ножке и прокричать: «Мышка, мышка, вылей воду на дубовую колоду!». Можно и улитку попросить: «Высуни рога - дам кусок пирога!» - и к божьей коровке обратиться: «Улети на небо, принеси нам хлеба! Чёрного иль белого, только не горелого! Там твои детки кушают конфетки». Это, наверное, давнишняя закличка: хлеб - вещь серьёзная, чёрный хлебушко всем дедушка. А всё превращается в шутку, игру: «Там твои детки кушают конфетки!».

После крещения Руси образы старых богов и во взрослом, и в детском фольклоре постепенно начали заменяться образами христианства: «Дождик, дождик, перестань, я поеду в Арестань (или Астрахань, или во Рязань) Богу молиться, Христу поклониться...» - а далее почему-то следовало – «...у Христа была жена (?) (очевидно следует понимать Царя), отворяла ворота не ключиком, замочком, а шёлковым платочком...» (правильно: «Я поеду в Иордань - в реке Иордан принял крещение Иисус Христос).

Игры

Растёт Ваня и вместе с соседскими ребятами уже сам начал заводить сложные и подвижные игры, пляски, хороводы. Всё это сопровождалось игровыми песнями, приговорками, выкриками.

Отличная, между прочим, физическая подготовка: «Баба сеяла горох прыг, скок!». Или: «Как на Ванины именины испекли мы каравай...». Или: «Золотые ворота, проходите, господа!».

Когда же затевалась по настоящему большая игра в казаки-разбойники, в лапту, в рюхи (городки), надо честно разделится на две команды. Для этого разбивались на пары приблизительно по возрасту и по физической силе, загадывали различные слова, и подходили к выбранным капитанам.

«Курочка или петушок» - спрашивали мы. «Курочка!» - выбирал капитан, и тот за кем было закреплено это слово, шёл к нему в команду. Таким образом,

быстро и честно удавалось разделиться на две команды. Но можно было разделиться и по-другому, с помощью маток. Те же двое назначались не командирами, а матками, они так же стояли и ждали. К ним подходили пары объединившиеся по такому же принципу.

- Мать, а мать, чего вам дать: дуб или берёзу?

Первая матка отвечает. Подходит вторая пара:

- Мать, а мать, чего вам дать: бочку с салом или казака с кинжалом?

Отвечает вторая матка. Подходит третья пара - снова отвечает первая матка, потом - снова вторая и так снова и снова. Это жеребьёвые сговарки.

А если во время игры, например в прятки, или пятнашки, надо выбрать того, кто будет водить, используют считалки. Считалки бывают с каким-то смыслом: «Ниточка, иголочка, вышла комсомолочка», а бывают и как бы совсем бессмысленные.

В книге И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок», приведена подобная считалка: «Эне, бэне, раба, квинтер, финтер, жаба». Точно такие же выкрикивают ребята по всей стране и несколько десятилетий спустя. Некоторые исследователи полагают, что считалки, как заклички и колыбельные, связаны с очень старыми обычаями и верованиями. Идёт охотник в лес, надо пожелать ему удачи. А ему говорили наоборот, да и теперь говорят, когда желают успеха в любом начинании: «Ни пуха, ни пера!» (т. е. ничего тебе не поймать!).

Эти слова, конечно, предназначались не охотнику, а владыке леса, чтобы он не беспокоился за своих зверей и птиц и не навредил человеку. Есть такие колыбельные песни, где мать желает ребёнку смерти: «Спи, усни, хоть сегодня умри...». Специалисты по-разному пытались объяснить эти ужасные слова, например бедностью крестьянина. Но, может быть, это тоже пожелание наоборот, как и «Ни пуха, ни пера»?

У всех народов на раннем этапе их развития - из этих же самых опасений - существовало множество разных запретов: нельзя было прямо говорить о некоторых действиях, скрывались имена и многое другое. Охотникам нельзя было называть животных, на которых они охотились (медведя и теперь величают Михаилом Ивановичем, Потапычем, Топтыгиным, Хозяином). Нельзя было, и считать добытую дичь.

Сложился условный, тайный язык охотников, тайная система счёта. До нас дошли едва понятные остатки этих тайных языков. Но можно предположить, что некоторые считалки сохраняют память о той поре.

Есть такие считалки, где счёт идёт словами, очень похожими на

обыкновенные названия цифр: «Рази, двази, тризи, ризи, пята, лита, шуби, руби, дуби, крест». На Руси счёт некогда вели по зарубкам, чтобы не сбиться: после каждого десятка на бревне или палке вырезали крест, зарубку. И сегодня вместо «запомни», часто говорят: «Заруби себе на носу!».

Поэтому и в нашей считалке десятое слово - крест. А иногда - пест или любое подходящее по звучанию слово. А может, уже и неподходящее: со временем всё меняется! В новых считалках - и слова новые: «Плыл по морю чемодан, в чемодане был диван...», «Летела мина из Берлина, по-немецки говорила...».

Рассчитались - и пошла игра! Каждая игра имеет свои приговорки и песенки. Тот, кто водит в прятки, хоронится, закрывает глаза, чтобы не видеть, кто куда спрятался, и кричит: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! Кто не спрятался – я не виноват. Кто за мной стоит, тот в огне горит, кто по бокам, тому по щекам!». Если он плохо, лениво ищет, играющие сердятся: «Кто по городу не ходит, тот четыре кона водит!».

А при игре в жмурки тому, кто водит, завязывают глаза и спрашивают: «Где стоишь?» Он отвечает: «На мосту!» - «Что продаёшь?» - «Квас!», «Ищи три года нас!». В годы, когда без всякой вины были арестованы миллионы людей, ребята добавляли: «Если не найдёшь - в тюрьму попадёшь!».

Были свои приговорки при игре в камушки «пятки», в «классы», в пуговицы, при скакании через верёвочку и когда на качелях качались.

Самый маленький устал и кричит: «Чик! Дом на залом, я у бабушки сижу!».

Или по новее: «За одним не гонка - человек не пятитонка!».

Но вот кому-то показалось, что игрок сжульничал. На всё есть готовые выкрички: «На жилу не выиграешь кобылу!»

Кто-то из играющих отказывается водить. На такой случай существуют водилки: «Вода, вода, неотвода, поросёная порода! Десять штук поросят, все на ниточке висят!» Или ещё дразнят: «Тили-тили, заводили, на корову посадили, а с коровы на быка, Витька просит молока!».

Дразнилки

Есть и специальные дразнилки. «Бабка - ёжка, костяная ножка!...» Дразнилки сложены почти на все русские имена: «Федя - бредя, съел медведя...» и т.д.

Но чаще дразнилки высмеивают жадных ребят, хвастунов, воображал, достаётся плаксам, трусам, ябедам. Не только взрослые учат ребят уму-разуму. Но дети и сами всё время воспитывают друг - друга, исправляют недостатки.

Ну а если дразнят не по делу, всегда можно ответить отговоркой: «Шёл-шел крокодил, твое слово проглотил, а моё оставил и печать поставил!». Или так: «Кто как обзывается, тот так и называется!», или еще проще: «Приятно

познакомиться, Алёша!»).

Покричали, поспорили – пора и мириться. Для этого надо сцепиться мизинцами и сказать: «Мирись, мирись и больше не дерись! А если будешь драться, то я буду кусаться! Нам кусака не почем, мы кусаку кирпичом!

Поддёвки.

Это уже такая умственная игра - кто кого перехитрит, кто более находчивый, у кого фантазии больше. Начинается всё просто. Ваня говорит Пете:

- Скажи «А»

Пете интересно, что будет дальше,
он говорит «А». И тогда Ваня выпаливает:

- Ворона - кума,
Галка - крестница,
Тебе ровесница,
Тебя крестила-крестила
И в помойную яму опустила!

Петя знает свою поддёвку:

- Я буду говорить, а ты добавляй «и я». Я срублю дерево.

-И я.

- Я вырублю колоду.

-И я.

- Я замешу свиньям.

-И я.

- Я буду есть.

Ваня не успевает заметить подвоха: - И я.

Начинается состязание в личном творчестве.

- Скажи «кортик»!

- Ну, кортик!

- У тебя на носу чёртик!

И так, пока не надоест. Значит, пора чем-нибудь другим заняться.

Загадки

У всех первобытных народов существовал обряд посвящение мальчиков в полноценные члены рода – охотники. Чтобы выдержать испытание на зрелость, мальчику нужно было доказать свою физическую силу, ловкость, мужество – убить огромного хищника, выдержать боль. А ум, знание, сообразительность он должен был проявить в отгадывании загадок.

В наши дни широкое распространение получили шуточные загадки, помимо смекалки и на путанице похожих по звучанию слов: «Шёл дождь, ехал автобус. Все в автобусе спали, только водитель не спал». Вопросы: «Как звали водителя? Какой был номер автобуса? Какое колесо не крутилось? Ответы: «Водителя звали Толя (Толька!), номер автобуса был мокрый, не крутилось запасное колесо».

А вот школьная загадка: «На пеньке сидит, по-французски говорит. Кто это? Ответ: Дубровский.

Страшилки

Соберутся дружки в тёмном уголке, и кто-то начинает замогильным голосом: «В одном чёрном-чёрном городе была чёрная-чёрная улица. На этой чёрной-чёрной улице...». Конец нередко бывает неожиданный, смешной: «А в этом чёрном-чёрном гробу лежал рак, кто слушал, тот дурак!».

Существует много и других рассказов: про гроб на колёсах, про чёрную ленту, про красное пятно, про покойников, про старуху, которая по ночам ходит на кладбище и собирает в мешок кости покойников. Эти рассказы называются страшилками. Задача страшилки - попугать слушателей. Психологи считают, что для нормального развития ребёнка ему нужны иногда такие душевные встряски. При этом важно, чтобы он чувствовал, что с ним-то ничего не случится, что он в полной безопасности.

Прозаические страшилки возникли давно, а, начиная с 80-х гг. XX в. вдруг необыкновенно быстро распространились два новых вида, близких к страшилкам, но и отличающийся от них. Это коротенькие в первом случае анекдоты, во втором стихотворения, повествующие о страшных и очень жестоких историях. Это садистские истории или стишки (от слова «садизм - жестокость»). Можно ещё назвать это чёрным юмором.

Нелепицы и нескладухи

Нелепицы и нескладухи - это, вообще говоря, разные виды. В нелепицах, как следует из самого названия, всё нарочно перепутано, перемешано, соединено то, что соединиться никак не может «По стене ползёт трамвай, волосатый, как кирпич». Нескладухи - различные стихотворные произведения, в которых специально нарушается рифмовка. Вот, например, нескладуха-частушка:

На столе лежит арбуз,
На арбузе муха.
Поцелуй, дроля, кирпич,
Никто замуж не берет.

Но обычно оба этих жанра рассматриваются вместе, потому что почти всегда, чтобы было смешнее, нескладное и нелепое соединяются в одном и том же произведении.

Нелепицы и нескладухи родились в давние времена. Самые старые из них говорят о крестьянской жизни:

А во дворе
Поросёнок рылся
И нечаянно хвостом
К небу прицепился.

И в наши дни известен старинный стишок «Ехала деревня мимо мужика, вдруг из-под собаки лают ворота...».

Создавались нелепицы и нескладухи и в городе. В начале XX в. были входу нелепицы про японку с длинным носом (у японцев длинных носов не бывает) и про высокого человека низенького роста. Но постоянно появляются и новые произведения, в которых отражается современная жизнь. Эта нелепица, наверное, навеяна Великой Отечественной войной:

Подводная лодка
В степях Украины
Погибла в неровном
Воздушном бою.

А это уж совсем недавнее:

Металлист по речке плыл,
Замерла моя душа.
Ну и пусть себе плывет,
Ржавая железка!

Как и сатирические стишки, новые нелепицы и нескладухи в 80-90-е гг. XX в. стали появляться в огромном количестве - их тоже сочиняют по известным образцам, и чем больше в них всевозможной несуразицы, тем лучше.

Что стучишься в дверь моя?
Видишь - дама нет никто!
Вот возьму в руку кирпич
Так и будешь полететь.

Первые две строчки могут иметь и иное продолжение: «Это я, твоя жена!» - «Проходи по одному!».

По стене ползет утюг,
Удивляется, фырчит.
Ну и пусть себе ползет
Ведь на крыше там гнездо,
Утюжат оно полно!

Анекдоты

Веселья, юмора, насмешки в детском фольклоре - сколько угодно. Одни анекдоты чего стоят! Существует огромное количество взрослых анекдотов. Некоторые из них попадают и в школу, и даже в детский сад. При этом ребята часто такие анекдоты переделывают, приспособливают к своим собственным понятиям.

Детские анекдоты касаются отношений детей и родителей, учеников и учителей, в них часто действуют герои книжек и кинофильмов, а также взрослых анекдотов: Василий Иванович (Чапаев), солдаты и генералы, политические деятели.

«Мальчик приходит домой в слезах: - Витька дерётся!

Отец засучивает рукава:

- Я ему покажу! Кто отец? Мальчик отвечает:

- Шварценеггер.

Отец заворачивает рукава обратно и говорит:

- Да ты, наверное, сам виноват!» Случаются в жизни разнообразные смешные истории - анекдот их, как правило, не пропустит, да ещё преувеличит при этом.

«Учитель входит в класс

- Чей окурок?

- Ваш, вы первый заметили!»

Озорные песенки

Озорные песенки и придумываются, и переделываются из песен, особенно тех, которые в данный момент наиболее популярны («Дан приказ: по партам бегать...», «Пусть бегут неуклюже пионеры по лужам...»).

Вместе весело шагать,
По газонам, по газонам, по газонам,
И цветочки поливать

Ацетоном, ацетоном, ацетоном.

Песенок таких тоже немало. Вот для примера одна из них:

Раскинулась шкала широко.
Экзамены были близки,
Пытали ребят одиноко,
У классной, у школьной доски,
Товарищ не в силах
Я химии сдать,
И алгебра мне надоела,
В глазах теоремы столбами стоят,
Черчение душу отъело!

Он вышел из класса – сознания нет,
В глазах у него помутилось...
Упал он на чистый, на школьный паркет,
Упал - сердце больше не билось.

К нему поспешили с холодной водой,
Хотят привести его в чувство.
Но врач подошёл, покачал головой:
«Бессильно здесь наше искусство!

Всю ночь в коридоре покойник лежал
Мальчишка в костюмчик одетый.
В руках он привычно шпаргалку держал,
Как будто готовясь к ответу.

Напрасно мамаша ждет сына домой.
Ей скажут – она зарыдает!
А школа стоит непреклонной стеной,
Других дураков ожидает.

Какой трагический случай! Но все улыбаются, понимая, что это гипербола.
Экзамены - страшная вещь, и школа к концу учебного года надоедает, но,
конечно, не настолько. Жить можно!

Детский фольклор – одно из самых живых и богатых явлений современной русской культуры. В нем одновременно существуют и очень старинные произведения, и только что рождённые. И те и другие непрерывно обновляются, переделываются. Как и фольклор, взрослый, детский фольклор отражает историю, идёт с ней в ногу.

Весёлые стишки, смешные песенки, забавные дразнилки, скороговорки и прочее, знают и передают дети всей страны. Это общенациональное детское искусство слова.

Приходят новые формы, жизнь диктует новое содержание, но народная поэзия, как чистый и неиссякаемый источник, питает и будет питать поэзию для детей.

В заключении мне хочется отметить:

1. Детский фольклор – одно из самых живых и богатых явлений современной русской культуры. В нём одновременно существуют и очень старинные произведения, и только что рождённые. И те, и другие непрерывно обновляются, переделываются.

2. Как и фольклор взрослых, детский фольклор отражает историю, идёт с ней в ногу.

3. Детский фольклор начинается с младенчества, с пассивного вбирания в себя лучших традиций устного творчества, и заканчивается активным участием в этом процессе.

4. В репертуаре детей первыми появляются стихотворные жанры (чему способствует их малый объём, ритмичность, связь с игрой).

5. Ребенок наделяется потребностью правильно передать содержание рассказа, добиться от слушателя понимания и реакции.

6. Для ребенка детский фольклор является тем спасительным местом, куда он может уйти от всех своих стрессов, вылить свой гнев и снять напряжение, которое так разрушительно влияет на детскую психику.

7. Весёлые стишки, смешные песенки, забавные дразнилки, скороговорки и прочее, о чём здесь говорилось, знают и передают друг другу дети всей страны. Это общенациональное детское искусство слова.

Вывод: На основании вышеизложенного материала, я предлагаю педагогам, поместить информацию в уголке «Консультации для родителей», взяв материал из доклада для каждой возрастной группы.

Литература:

1. Андреев Ю. А., Абашидзе И. В, Бердников Г. П. Русская поэзия детям. ©
Издательство «Советский писатель», 1989 г., стр.5-10.
2. Электронные ресурсы.